
Подготовка Московского совещания глав и представителей поместных православных церквей 1948 г.

Андрей Кострюков

The preparation of Moscow Conference of heads and representatives of Local and Orthodox Churches in 1948

Andrey Kostryukov (Saint Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia)

DOI

Без упоминания о Московском совещании глав и представителей православных церквей, состоявшемся 8—18 июля 1948 г., не обходится ни один учебник по истории Русской Церкви. Однако в церковной историографии это событие освещалось достаточно скупо, поскольку некоторые его решения казались впоследствии неудобными. Как известно, Совещание выступило против участия православных во Всемирном совете церквей (ВСЦ), осудило политическую деятельность Ватикана и отвергло законность англиканской иерархии. Когда же отношения с папской курией улучшились, а Московский патриархат вступил в ВСЦ и начал активно участвовать в экуменическом движении, лишней раз вспоминать о принятых прежде решениях на официальном уровне не любил.

В результате о Совещании писали преимущественно консерваторы, порою намеренно выпячивавшие его «фундаментализм». Так, часто тиражировалось антиэкуменическое выступление архиепископа Серафима (Соболева), однако умалчивалось о его же докладе об англиканской иерархии, в котором одобрялся богословский диалог; воспроизводились аргументы против нового календарного стиля, звучавшие на совещании, но стужёвывалось итоговое решение, признававшее, что неподвижный календарь не может быть поводом для разделений, и предоставлявшее поместным церквам право самостоятельно решать, какого стиля придерживаться¹. Современные исследователи, как правило, отмечают стремление властей СССР с помощью Московской патриархии добиться влияния на процессы, протекавшие в международной церковной жизни². При этом многие существенные подробности Московского совещания (и, в

© 2019 г. А.А. Кострюков

¹ См., в частности: Разорвать экуменическое кольцо. Всеправославное совещание 1948 г. об экуменизме. М., 1996; Современное обновленчество — протестантизм «восточного обряда». М., 1998; и др. Неудивительно, что в публицистике Совещание рассматривалось чуть ли не как проявление заботы коммунистического государства о православии.

² Чумаченко Т.А. К истории организации Совещания глав православных автокефальных церквей в июле 1948 г. в Москве // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Сборник докладов и материалов международных, общероссийских и межрегиональных научно-практических семинаров и конференций. 2004—2005 гг. Вып. 2. М., 2005. С. 228—248. См. также: Болотов С.В. Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930-е — 1950-е годы. М., 2011; Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в политике советского государства. 1943—1948 гг. М., 1999; Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40—50-х годов XX века: Очерки истории. М., 2008; Курляндский И.А. Сталин, власть, религия. М., 2001; Роккуччи А. Сталин и Патриарх. Православная Церковь и советская власть 1917—1958. М., 2016; Чумаченко Т.А. 196

частности, попытки советского руководства повысить статус Московского патриархата в православном мире и реакция на это иерархов Русской Православной Церкви) детально ещё не анализировались, хотя они неплохо отразились в делопроизводственных документах, аналитических справках, официальной и частной переписке, хранящихся, прежде всего, в фонде Совета по делам РПЦ в ГА РФ. Эти материалы лишь отчасти опубликованы³ и использованы историками, в большинстве своём ещё ждут научного изучения.

Вовлечение Церкви в политические игры атеистического государства началось примерно за десять лет до Московского соборования. Одной из причин того, что духовенство не было окончательно уничтожено в годы Большого террора 1937—1938 гг., стали надежды И.В. Сталина и его окружения на присоединение в ходе грядущей войны новых территорий, на которых сохранялись свои епархии, приходы и монастыри. Соответственно нужен был орган, способный взять их под контроль. Расчёт оправдался — в 1939—1940 гг. в состав Советского Союза были включены Западная Украина, Западная Белоруссия, Прибалтика и Молдавия, в церковном отношении оказавшиеся в подчинении Московского патриархата. Ослабление гонений и относительная свобода, предоставленная Церкви в 1943 г., также напрямую зависели от внешнеполитической ситуации. Не могла не отразиться на церковной жизни и начавшаяся во второй половине 1940-х гг. холодная война. Московской патриархии в противостоянии с Западом отводилась особая роль. С её помощью Советский Союз мог укреплять свои позиции не только на Балканах и Ближнем Востоке, но и в самых дальних уголках мира.

Однако эти планы встречали серьёзное препятствие в Константинополе. Если Московская патриархия была вынуждена согласовывать свои действия с курсом ВКП(б), то Фанар находился в зависимости от Вашингтона, не желавшего ни политического, ни церковного усиления Кремля. В конце 1940-х гг. США начали оказывать прямое влияние на Константинополь, стараясь отдалить его от Москвы и не допустить её церковного возвышения⁴. Но уже в середине 1940-х гг. действия Вселенского престола помешали СССР подчинить Московской патриархии русскую православную диаспору. Попытка включить в состав Русской Церкви Западноевропейский экзархат приходов русской традиции, который с 1931 г. находился в подчинении Константинополя, закончилась неудачей. Хотя в августе 1945 г. формальное объединение состоялось, вселенский патриарх Максим не спешил предоставлять экзархату отпускную грамоту, а в 1946 г. подтвердил его подчинённость Константинопольской патриархии, воспользовавшись тем, что после смерти экзарха Западной Европы Московского патриархата митрополита Евлогия (Георгиевского) подавляющее большинство приходов отказалось от подчинения Москве.

Возражали в Константинополе и против всеправославного осуждения Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ). В 1945 г. во время поездки на Ближний Восток патриарх Московский и всея Руси Алексей I заручился

Государство, православная церковь, верующие 1941—1961 гг. М., 1999; *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущёве. М., 2005.

³ *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944—1953 гг. Документы российских архивов. В 2 т. М., 2009; Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров — Совете министров СССР. 1945—1970 / Под ред. Н.А. Кривовой. Т. 1—2. М., 2009.

⁴ *Ермилов П.В.* Вхождение Константинопольского патриархата в русло внешней политики США в первые годы холодной войны // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 3(36). С. 220.

соответствующей поддержкой александрийского, антиохийского и иерусалимского патриархов⁵. Однако подпись вселенского патриарха получить не удалось и осуждение РПЦЗ не состоялось.

Неудивительно, что советские руководители стремились перехватить инициативу у Вселенского престола, преодолеть его влияние на поместные церкви и привлечь их к Московскому патриархату⁶. Скрыть эти замыслы было невозможно, да и сторонников усиления Московской патриархии в мире насчитывалось немало. Импульсивный американский экзарх митрополит Вениамин (Федченков), с радостью принимавший советскую церковную политику, даже обмолвился в одном из интервью, что председатель Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпов видит Московского патриарха «православным папой»⁷.

В странах, входивших после войны в сферу влияния СССР, нередко сказывались и давние обиды. Экзарх Болгарской Церкви митрополит Стефан (Шоков) писал патриарху Алексию I: «Меня начинает раздражать частое греческое напоминание, что Константинопольская Церковь — мать наших церквей, что мы “дочерние” церкви, и умолчание о том, что эти “дочерние” церкви на протяжении почти тысячелетия щедро расплачивались за эту греческую услугу, материально ублажая и Константинопольский, и другие греческие патриархаты... Материнство в церковном управлении совсем не обязательно влечёт за собою преимущества чести и тем более преимущества власти. Ближайший пример этому — те же восточные патриархаты: первые три считают своею матерью Иерусалимскую Церковь, однако их патриархи поставлены выше иерусалимского патриарха»⁸.

Апогеем возвышения Московского патриархата должен был стать большой собор. В обстановке широко распространённых симпатий к СССР после победы над нацизмом его проведение казалось вполне возможным. Между тем массовость и торжественность Поместного собора, прошедшего в Москве в 1945 г. при участии александрийского, антиохийского и грузинского патриархов, а также представителей Константинопольской, Иерусалимской, Сербской и Румынской церквей, позволяла церковным и государственным деятелям считать, что они готовы и к мировому лидерству⁹. Говорилось даже, что будущий собор будет вселенским, а его участниками станут все предстоятели поместных церквей. Совет по делам РПЦ и Совет по делам религиозных культов к началу 1947 г. разработали программу, в соответствии с которой Москва должна была возглавить антикатолическое движение и объединить под своим руководством весь православный мир. Ожидалось даже, что собор рассмотрит вопрос о присвоении Московской патриархии именованию вселенской¹⁰.

В 1946—1947 гг. предпринимались попытки подготовить почву для осуществления данного проекта. В конце 1946 г. делегация Русской Церкви во главе с митрополитом Ленинградским и новгородским Григорием (Чуковым)

⁵ Меморандум патриархов Московского Алексия, Александрийского Христофора, Антиохийского Александра, Иерусалимского Тимофея об отношении к Русской Зарубежной Церкви // *Кострюков А.А.* Русская Зарубежная Церковь в 1939—1964 гг. Административное устройство и отношения с Церковью в Отечестве. М., 2018. С. 373—374.

⁶ *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Москва и Восточная Европа... С. 85—93.

⁷ По поводу «открытого письма» гг. Лосского и Пьянова // *Церковный вестник Западно-Европейской епархии.* 1946. № 3. С. 11.

⁸ ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 418, л. 26, 27.

⁹ Письма патриарха Алексия I... Т. I. С. 223.

¹⁰ *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Москва и Восточная Европа... С. 96.

посетила Ближний Восток и сумела добиться согласия александрийского, антиохийского и иерусалимского патриархов приехать в Москву и обсудить вопросы, связанные с экуменическим движением. Поэтому предварительно было решено повременить со вступлением во Всемирный совет церквей¹¹.

Собор изначально задумывался как антиэкуменический. «Экуменическое движение, — писал Г.Г. Карпов заместителю министра иностранных дел А.Я. Вышинскому, — ставит своей задачей объединение всех христианских церквей мира в единую вселенскую церковь в целях переустройства общественной и политической жизни на христианских началах. Другими словами — ставится задача создания англо-американского церковного блока, возглавляемого Англиканской церковью для политических целей... Экуменическое движение представляет собой прикрываемое церковным знаменем политическое движение, направленное против коммунизма, против Советского Союза... Русская Православная Церковь не принимала и не намерена принимать участия в экуменическом движении, преследующем политические цели, враждебные политике Советского Союза»¹². К тому же с экуменизмом был тесно связан враждебный Константинополь.

Председатель Отдела внешних церковных сношений (ОВЦС) митрополит Николай (Ярушевич) 15 марта 1946 г. указывал в своей докладной записке, что на Соборе следует обсудить переход на новый календарный стиль и принять заявление о признании римо-католичества ересью с осуждением «профашистской линии» папы. Намечалось также осуждение «раскольничьей деятельности» митрополитов Анастасия (Грибановского) и Феофила (Пашковского) — глав РПЦЗ и Североамериканской митрополии. При этом митрополит Николай понимал, что церковная ситуация складывается не в пользу подобного грандиозного проекта, и многие решения будут заблокированы. Например, некоторые делегации воспротивятся осуждению митрополитов Анастасия и Феофила, ссылаясь на то, что Вселенские соборы осуждали ереси, а не расколы. Глава ОВЦС опасался также, что на соборе будет поднят вопрос о борьбе с атеизмом, и это поставит Русскую Церковь в неудобное положение. Наконец, архипастырь прекрасно осознавал, что и Константинопольская и Александрийская Церкви не станут искренними союзниками Москвы и выступят против её возвышения, как и против резкой критики Ватикана. Поэтому митрополит Николай предлагал не спешить с созывом собора, но основательнее к нему подготовиться. Кроме того, отмечалось в записке, «в целях предотвращения поводов к умалению авторитета вселенского собора со стороны наших зарубежных раскольников, желательна предварительная амнистия архиереев, репрессированных до 1941 года (то есть тех, кому не предъявлялось обвинений в коллаборационизме. — А.К.), и предоставление им архиерейских кафедр в целях их дальнейшего участия в соборе. Это же необходимо и для того, чтобы поднять богословский уровень нынешнего нашего епископата, в большинстве своём не имеющего высшего богословского образования». Митрополит Николай, конечно же, не имел точных сведений о судьбе арестованных священнослужителей и вряд ли знал, что к 1946 г. иерархов, заключённых до 1941 г., в живых почти не осталось. Ещё в 1938 г. был расстрелян и упомянутый им в записке профессор И.В. Попов (ныне причисленный Русской Церковью к лику святых). Так или иначе, попытка спасти уцелевших архипастырей успеха не

¹¹ Чумаченко Т.А. К истории организации Совещания... С. 229.

¹² ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 418, л. 22—23.

имела — случаев их досрочного возвращения из неволи в эти годы неизвестно. К примеру, богослов и литургист епископ Афанасий (Сахаров), продолжал скитаться по лагерям вплоть до 1956 г.

Очевидно, митрополит Николай не сомневался в том, что после антицерковных репрессий и в условиях жёсткого атеистического контроля играть на соборе ведущую роль Московская патриархия не сможет. Но поскольку мероприятие было уже запланировано, он рекомендовал провести сначала предсоборное совещание, на которое Русская Церковь должна была явиться с окрепшими силами, способными при необходимости дать отпор греческим, сербским и болгарским богословам¹³. Для этого следовало открыть духовные академии в Ленинграде и Киеве, привлечь к работе «оставшихся в живых» профессоров (Д.И. Введенского, И.В. Попова, И.Г. Айвазова, протоиерея Василия Верюжского), а также некоторых профессоров-изгнанников — В.Н. Лосского из Франции, С.В. Троицкого из Югославии и др.

К началу 1947 г. эта идея получила поддержку в Совете по делам РПЦ, хотя в течение 1946 г. ещё говорили о грядущем Всеправославном соборе. Патриарх Алексий готов был провести его с 1 по 10 октября 1947 г., собираясь уделить основное внимание натиску римо-католичества и проблеме экуменизма¹⁴. Но уже 14 января 1947 г. во время беседы Алексия I с Карповым был очерчен круг тем, которые предполагалось предварительно рассмотреть на совещании (на него патриарх хотел пригласить не только глав православных церквей, но и архиепископа Кентерберийского). Среди них — меры против деятельности Ватикана, отношение к Римо-католической церкви и экуменическому движению, вопросы, нуждающиеся в соборном решении, церковный календарь, диалог с Коптской и Армянской церквями, не признающими IV (Халкидонский) и последующие Вселенские соборы православной Церкви¹⁵. Так, планировались выступления профессора С.В. Троицкого и доцента Н.П. Доктусова об Армяно-Григорианской и Сиро-Яковитской церквях, а также доцента Н.И. Муравьёва об Абиссинской, Сиро-Халдейской и Коптской церквях¹⁶. Отношениям с нехалкидонитами Совет по делам РПЦ уделял большое внимание, надеясь с их помощью укрепить влияние СССР в Африке и на Ближнем Востоке. Незадолго до этого властями была инициирована переписка Московской патриархии с Сиро-Халдейской церковью о возможности установления общения. Не исключалось тогда и примирение со старокатоликами¹⁷.

Спустя две недели повестку расширили, добавив вопросы о принятии «падших» клириков в сущем сане и о «раскольниках». Поскольку к тому времени обновленческий и григорианский расколы были преодолены, речь, разумеется, шла о зарубежных русских юрисдикциях. С докладом о них должен был выступить канонист С.В. Троицкий — поначалу ревностный апологет каноничности РПЦЗ, а затем не менее категоричный её противник. Одновременно, помимо официальной программы, в Москве рассчитывали устроить обмен мнениями о границах юрисдикции Константинополя (с явным прицелом на снижение его статуса), а также об англиканской иерархии¹⁸. В годы Второй мировой войны

¹³ Там же, оп 2, д. 65, л. 29—30.

¹⁴ Письма патриарха Алексия I... Т. 1. С. 223—225.

¹⁵ ГА РФ, ф. 6991, оп. 2, д. 65, л. 5. См. также: *Чумаченко Т.А.* К истории организации Совещания... С. 230.

¹⁶ ГА РФ, ф. 6991, оп. 2, д. 65, л. 36.

¹⁷ Там же, л. 31, 43.

¹⁸ Там же, л. 6, 8.

контакты с англиканами носили вполне доброжелательный характер, однако к 1947 г. в Кремле их считали инициаторами создания антисоветского религиозного блока. Между тем на Фанаре давно уже шло сближение с ними. Ещё в 1931 г. митрополит Сергей (Страгородский) писал о признании англиканской иерархии: «Я узнал случайно из заметки в афинской “Екклесиас” о том, что блаженнейший патриарх Александрийский (Мелетий (Метаксакис). — А.К.), вместе с рождественским поздравлением и как бы в виде рождественского подарка, послал архиепископу Кентерберийскому постановление своего Синода о признании англиканской иерархии, к чему журнал добавлял, что Константинопольской патриархией эта иерархия признана ещё раньше»¹⁹.

Планы советского руководства могут показаться противоречивыми: с одной стороны — подготовка объединения с инославными, с другой — неприятие экуменизма. Однако этот антиэкуменизм объяснялся исключительно прагматическими мотивами. Не случайно вне рамок Всемирного совета церквей атеистическое государство приветствовало контакты Русской Церкви не только с неправославными, но и с нехристианами. К примеру, в 1952 г. в Троице-Сергиевой лавре состоялось собрание с участием православных, мусульман, буддистов и иудеев, совершивших совместную безмолвную молитву²⁰.

Стремясь к снижению константинопольского влияния, Москва старалась привлечь к себе симпатии православного Востока и балканских церквей. Так, политика «кнута и пряника» сдерживала самостоятельные действия экзарха Болгарской Церкви митрополита Стефана (Шокова): давление на него местных властей (вплоть до беседы с болгарским коммунистическим лидером Г. Димитровым) сочеталось с обещанием патриаршего куколя²¹.

Тогда же был составлен план открытия в СССР подворий поместных церквей. Московская патриархия обещала предоставить таковые Александрийской, Антиохийской, Иерусалимской, Сербской и Болгарской церквам²². Согласно предложению Алексия I московский храм Рождества Богородицы в Путинках становился бы подворьем Сербской Церкви, храм «Всех скорбящих Радость» на Ордынке или св. Феодора Стратилата — Александрийской, Воскресенский в Филипповском переулке — Иерусалимской²³. Поскольку последний из перечисленных храмов действовал, его причт собирались перевести в храм Вознесения Господня у Никитских Ворот (Большое Вознесение). В качестве альтернативных вариантов для размещения подворий рассматривались храмы свт. Григория Чудотворца на Полянке, сщмч. Климента Римского, Марфо-Мариинская обитель, Казанской иконы Божией Матери на Калужской площади, Воскресения в Кадашах, Спаса на Песках, св. Симеона Столпника, Ржевской иконы Божией Матери на Поварской, Преображенский собор Новоспасского монастыря, Крутицкое подворье, Покрова в Филях, свт. Филиппа Московского, Знамения на Варварке, Мартина Исповедника, Петра и Павла на

¹⁹ Ответ заместителя на приглашение к участию в Лондонской догматической комиссии и в предсоборном всеправославном собрании // Журнал Московской Патриархии. 1932. № 7—8. С. 6—7.

²⁰ См.: Определение Собора епископов Русской Православной Церкви за границей // Церковная жизнь. 1956. № 11—12. С. 106; Осквернение святыни // Там же. 1952. № 5—6. С. 108—109.

²¹ ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 418, л. 81, 92, 177.

²² Письма патриарха Алексия I... Т. 1. С. 214—215.

²³ ГА РФ, ф. 6991, оп. 2, д. 65, л. 14.

Язуе (под Сербское подворье), а также Михаила Архангела на Девичьем поле²⁴. Александрийское и Антиохийское представительства должны были появиться и в Ленинграде (Андреевский собор на Васильевском острове или церковь святых Симеона и Анны на углу Моховой и Симеоновской улиц²⁵) и Киеве (храм Святого Духа на Подоле). При этом размещение подворий ставилось Московской патриархией в прямую зависимость от участия поместных церквей в совещании²⁶.

Призывая оказывать материальную помощь иерархам Ближнего Востока, Алексей I рассчитывал, что «это обеспечит прочное и соответствующее достоинству Русской Православной Церкви существование там наших храмов, укрепит наше влияние там вообще и свяжет более тесными узами взаимоотношение с нами восточных патриархов»²⁷. Направляемым из Москвы делегациям следовало подносить главам и представителям поместных церквей (в том числе и Константинопольской) драгоценные панагии или кресты, а также денежные суммы в валюте²⁸. Это вызывало вполне естественную реакцию. Так, посетивший Москву митрополит Илия (Карам), обещая поддержку патриарха Антиохийского Александра, постоянно напоминал о материальной помощи, необходимой для бедной Антиохийской Церкви²⁹. При этом, по свидетельству Алексея I и митрополита Питирима (Нечаева), митрополит Илия не забывал и о собственном благополучии³⁰. В Кремле знали, что греки падки на вспомоществование, и, вероятно, располагали информацией о том, как в начале 1920-х гг. Константинополь получил от польского правительства 12 тыс. фунтов стерлингов за предоставление автокефалии Польской Церкви³¹. Правда, для того, чтобы одарить всех и купить согласие греков на увеличение влияния Русской Церкви, суммы нужны были неизмеримо большие, к чему в СССР не были готовы.

Тем не менее священноначалие, безусловно, пользовалось удобным моментом для укрепления Церкви и возвращения хотя бы некоторых поруганных храмов. Алексей I предлагал для упрочения мирового влияния Московской патриархии открыть новые представительства за границей и увеличить финансирование зарубежных приходов³². Помимо церквей для подворий московское духовенство надеялось получить от государства «статусные» храмы: Смоленский собор Новодевичьего монастыря, малый собор Донского монастыря, Троицкий храм в Останкине, Крестовоздвиженскую церковь в с. Воздвиженское. Поводом для их передачи Церкви, по мнению патриархии, служило то, что эти храмы широко известны за границей и иностранцы захотят их посетить. Так, необходимость передачи Крестовоздвиженской церкви обосновывалась тем, что мимо неё делегации будут проезжать из Троице-Сергиевой лавры в Москву. Кроме того, патриархия просила выделить средства на ремонт Бого-

²⁴ Там же, л. 46—48; Письма патриарха Алексея I... Т. 1. С. 235—237, 253.

²⁵ ГА РФ, ф. 6991, оп. 2, д. 65, л. 16

²⁶ Чумаченко Т.А. К истории организации Совещания... С. 239.

²⁷ ГА РФ, ф. 6991, оп. 2, д. 65, л. 15.

²⁸ Там же, л. 39.

²⁹ Письма патриарха Алексея I... Т. 1. С. 318.

³⁰ Русь уходящая. Рассказы митрополита Питирима. СПб., 2007. С. 129—130; Письма патриарха Алексея I... Т. 1. С. 662.

³¹ Чибисова А.А. К вопросу о получении автокефалии Польской Православной Церковью // Церковь. Богословие. История. Материалы III международной научно-богословской конференции (Екатеринбург, 6—7 февраля 2015). Екатеринбург, 2015. С. 637.

³² ГА РФ, ф. 6991, оп. 2, д. 65, л. 15.

явленского кафедрального собора, а также митрополичьего и академического корпусов в Троице-Сергиевой лавре, где планировалось разместить участников совещания. Без содействия власти нельзя было обеспечить публикацию его материалов, снять о нём фильм, устроить колокольный звон в патриаршем соборе, организовать экскурсии для делегатов. Понимая, что рассчитывать на широкие жесты со стороны государства не приходится, патриархия добивалась хотя бы приведения некоторых осквернённых храмов (Покрова в Филях, Климента Римского, Мартина Исповедника, Казанской иконы Божией Матери на Калужской площади) в подобающий внешний вид «или храмового или гражданского здания»³³.

8 апреля 1947 г. приглашение на совещание было разослано всем главам поместных церквей кроме Польской и Чехословацкой — их каноническое положение могло создать ненужные трения с Фанаром и с Сербской Церковью. Однако Москву ждало разочарование. Предстоятели Антиохийской, Сербской, Румынской, Болгарской, Грузинской и Албанской церквей³⁴ одобрили идею предсоборного совещания и выразили согласие прибыть на него, но другие православные первоиерархи данную инициативу отвергли. Т.А. Чумаченко связывает это с началом холодной войны и приводит данные о воздействии на глав восточных и балканских церквей со стороны Ватикана и экуменических кругов, суливших, помимо прочего, им и значительную материальную помощь³⁵. Действительно, давление и шантаж имели место. Митрополит Стефан (Шоков), даже прибыв на совещание, проявлял неуверенность в своих действиях³⁶. Но не менее важным было и то, что Константинополь к тому времени уже несколько десятилетий вёл политику «восточного папизма», заявляя о своих особых правах и юрисдикционном первенстве. От своих претензий на ведущую роль в православном мире он никогда бы не отказался, тем более, чувствуя поддержку США. В других поместных церквях приходилось выбирать между Фанаром и Кремлём, между патриархом-греком и Советским Союзом. Греческая солидарность оказалась сильнее. Характерно, что единственным из восточных патриархатов, согласившимся принять участие в Московском совещании, был Антиохийский патриархат, включающий значительный процент православных арабов. И всё же церкви, поддержавшие инициативу Москвы, не были столь влиятельны и многочисленны, чтобы обеспечить намеченному мероприятию статус «всеpravославного».

Как и ожидалось, вселенский патриарх Максим не пожелал отправиться в СССР. «Москва послала нам приглашение на “всеpravославный собор”, — пояснял он свою позицию, — но такой собор должен иметь место там, где его члены свободны от всяких влияний и давлений посторонних элементов, а таковым в настоящее время Москва быть не может»³⁷. При этом, как докладывал экзарх московского патриарха в Чехословакии архиепископ Елевферий (Воронцов), Константинопольская патриархия безуспешно пыталась воспрепятствовать поездке на совещание румынской делегации³⁸.

Глава Кипрской Церкви архиепископ Леонтий, объясняя свой отказ приехать в Москву, утверждал, что созывать соборы такого уровня имеет право

³³ Там же, л. 38—39.

³⁴ Там же, л. 61, 62, 66, 69; Письма патриарха Алексия I... Т. 1. С. 279.

³⁵ Чумаченко Т.А. К истории организации Совещания... С. 238.

³⁶ ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 418, л. 81, 92, 177.

³⁷ Константинополь // Церковная жизнь. 1947. № 2. С. 45.

³⁸ ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 418, л. 38.

только Константинополь. Не помогло и разъяснение митрополита Николая (Ярушевича), напомнившего, что речь идёт не о соборе, а о подготовительном совещании. «Благодарим за данные дополнительные разъяснения, — отвечал Леонтий. — Повторяем, не можем принять приглашения по причинам, указанным в предшествующей нашей телеграмме»³⁹. Следует помнить, что Кипр в те годы принадлежал Великобритании.

Под сильным влиянием англичан находился и Египет. Александрийский патриарх Христофор выразил уверенность в том, что совещание можно созывать лишь с согласия трёх первых патриархатов (Константинопольского, Александрийского и Антиохийского), а проводить следовало бы в другом месте, например, в Иерусалиме или на Афоне. К тому же Христофор заподозрил Москву в намерении с помощью греков осудить зарубежные русские юрисдикции и посоветовал Алексею I решить этот «чисто внутренний» вопрос самостоятельно⁴⁰. Лаконично отклонил приглашение иерусалимский патриарх Тимофей, телеграфировавший: «Мы не готовы к участию в предположенном совещании»⁴¹.

В прессе звучали гораздо более резкие заявления. «Ни одна грекоправославная церковь не должна быть представлена на совещании, цели которого исключительно политические, — настаивала египетская газета “Фис”. — Но дело не только в этом. Совето-церковное совещание присвоило себе право, принадлежащее одной лишь Вселенской патриархии, занимающей первое место в православном мире. Только Фанар, первый среди равных, имеет право созвать всеправославное совещание, теперь же на церковный собор налагает свою печать безрелигиозный Кремль... Таким образом, все церкви окольными путями будут приведены в подчинение советскому Алексею. Но западня эта слишком неуклюже устроена, так что греческое православие не попадёт в неё... Совещание Русской Церкви не может иметь никакого всеправославного значения. Прежде всего, на нём не будет представлена Вселенская патриархия, а без неё всеправославное совещание является пародией. Московское совещание будет в сущности славянским собором и притом с подозрительными целями. Решения его будут иметь силу только среди славянских стран и тех стран, которые или по недомыслию, или из просоветских симпатий примут участие в этом большевистском собрании»⁴². В таком же духе высказался и официальный орган Элладской Церкви «Экклесия», где писали, помимо прочего, что славянские церкви так же опасны для греческого православия, как и папизм⁴³. В Стамбуле началась подготовка к альтернативному совещанию, которое должно было оспорить принятые в Москве резолюции⁴⁴.

Уже в 1947 г. стало понятно, что Московское совещание не будет «все-православным». В результате, сославшись на необходимость «детальной разработки вопросов совещания», его перенесли на 1948 г., приурочив к 500-летию автокефалии Русской Церкви⁴⁵. Но, как известно, Церкви, отказавшиеся от участия в совещании в 1947 г., не были на нём представлены и год спустя. А вскоре после его проведения наступил окончательный перелом в церковно-государственных отношениях. В 1948—1953 гг. закрывалось от 100 до 400 хра-

³⁹ Там же, л. 57—58.

⁴⁰ Там же, л. 65, 79.

⁴¹ Там же, оп. 2, д. 65, л. 59.

⁴² Там же, л. 53—54.

⁴³ Там же, л. 84.

⁴⁴ О Всецерковном съезде в Москве // Церковная жизнь. 1947. № 2. С. 45.

⁴⁵ Письма патриарха Алексея I... Т. 1. С. 279, 311.

мов и молитвенных домов в год. Всего до 1954 г. было закрыто 1 055 церквей⁴⁶. В 1952 г. была разрушена и московская церковь Ржевской иконы Божией Матери на Поварской, незадолго до это рассматривавшаяся как одно из будущих зарубежных подворий. Заметно усилился контроль за духовенством. С 1948 г. поднялась новая волна арестов священнослужителей.

Желая добиться преимуществ Москвы перед восточными патриархатами, советское государство было готово на некоторые материальные расходы и определённые уступки патриархии. Однако забота о чистоте православия в планы большевиков не входила, наоборот, из политических соображений перед совещанием готовились широкие жесты, которые выражали бы склонность к соглашению с дохалкидонитами. Впрочем, в 1947—1948 гг. стало очевидно, что преследовать Церковь и при этом расширять её влияние — задача невыполнимая.

Со своей стороны, православные иерархи в 1946—1948 гг. пытались, по возможности, использовать политическую конъюнктуру для укрепления положения Русской Церкви в стране и в мире. Московское совещание 1948 г. получило резонанс и привлекло к ней внимание, пусть и не столь масштабное, как ожидали его организаторы. Принятые на нём решения приобрели авторитет и не теряют значимости до сих пор (например, постановление о том, что разница в календарных стилях не может являться основанием для разделения). Постепенно увеличивалось представительство Московской патриархии за рубежом. Отчасти благодаря подготовке к совещанию удалось возродить Петербургскую духовную академию. А возрождённые в 1947 г. храмы Архангела Гавриила и великомученика Феодора в Москве стали не только представительством Антиохийской Церкви, но и относительно безопасным местом молитвы — на протяжении десятилетий многие антицерковные меры атеистической власти обходили подворье стороной.

⁴⁶ *Шкаровский М.* Русская Православная Церковь в XX веке. М., 2010. С. 429.